

Секция «Символы прошлого и технологии будущего: политика памяти в цифровом пространстве»

Основные концепции политики памяти о войнах: теоретико-методологический аспект

Научный руководитель – Аникин Даниил Александрович

Батищев Роман Юрьевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра истории и теории политики, Москва, Россия

E-mail: romanbatishhev@rambler.ru

В современных *memory studies* к проблемам коллективной памяти о войнах обращено самое пристальное внимание, что во многом обусловлено центральным местом образов военного прошлого и трагедией, связанных с войнами, в политиках памяти как России, так и западных стран. При этом обращает на себя внимание факт слабой проработки самой специфики обращения к войне в рамках той или иной политики памяти, что особенно касается политологических исследований.

Важно отметить, что, несмотря на центральную роль образов военных событий в исторических нарративах государств и влиятельных социальных акторов, память о войне существует в более широком контексте исторической памяти, различные особенности структуры и функционирования которой позволяют выделять несколько моделей или концепций коллективной памяти и соответствующей им политики памяти. Для концептуализации этого явления в отечественных и западных исследованиях памяти применяются ряд семантически близких словосочетаний, таких как «культура памяти» [5, с. 6], «мемориальная культура» (в терминологии А. Ассман) [2], «режим памяти» [3, с. 8] и ряд других. Однако, поскольку те или иные репрезентации коллективной памяти выражаются, в том числе, в виде политических действий, определяются ролью тех или иных политических акторов, представляется возможным говорить о существовании основных концепций политики памяти.

Наиболее известная и часто используемая классификация представляет собой разделение культуры памяти на космополитическую, антагонистическую и агонистическую [7], подобное же разделение используется и в отечественном академическом дискурсе [4; 5].

В основе *космополитической концепции политики памяти* лежит общая, интернациональная память о жертвах прошлого. Собственно, европейская космополитическая память сложилась во многом вокруг трагедии Холокоста и была направлена на преодоление забвения этой темы в первые послевоенные десятилетия. Считается, что общая европейская память, среди прочего, послужила основой и политической евроинтеграции. В частности, Дункан Бэлл пишет, что «можно связать память, особенно о Второй мировой войне, с общей институциональной структурой» европейских государств [6, р. 15]. Эта концепция исторической памяти совершенно чётко выступала политическим проектом, согласно которому, преодолевая противоречия прошлого, европейцы разрешали и противоречия настоящего, признавали трагедию Холокоста главным преступлением Европы XX века, отказывались от национальных претензий на роль жертвы и были открыты к диалогу о собственном неприятном прошлом, в частности, о фактах коллаборационизма и соучастия в нацистских военных преступлениях.

Однако после распада социалистического блока космополитической концепции памяти пришлось столкнуться с восточноевропейской культурой памяти, в рамках

которой восточноевропейские нации сами претендовали на роль жертв, дистанцируясь от Холокоста и выстраивая «жертвенный нарратив» вокруг периода социалистического правления. Впоследствии подобную модель восприняли и некоторые постсоветские страны (например, современная Украина и её нарратив «жертвы двух тоталитаризмов»). Ситуация «конкуренции жертв» (например, жертв ГУЛАГа и жертв Холокоста [4]) сформировала так называемую *антагонистическую память*. Антагонистическая политика памяти, во-первых, понимается скорее как «историческая политика», с присущими ей административно-законодательными, директивными и более идеологизированными методами позиционирования исторических презентаций. Во-вторых, в антагонистической политике памяти мемориальные баталии - это игра с нулевой суммой, где важно добиться доминирования своей позиции в государстве или на международной арене.

Критика космополитизма памяти и попытка сгладить конфликтность антагонистической модели нашли своё отражение в *агонистической* концепции политики памяти. Найти выход из ситуации «конкуренции жертв», когда жертвенность одной социальной группы как бы исключает жертвенный статус других, предпринимается в концепции «разнонаправленной памяти» М. Ротберга, где говорится о существовании некоего общего языка жертв истории, на основе которого возможен диалог и «мнемоническая адаптация» разных социальных групп [9]. Ш. Муфф, одна из основоположников дискуссии об агонизме в памяти, признаёт определённую конкуренцию различных исторических репрезентаций, но полагает память как объект взаимоуважительного диалога и понимания позиции оппонента [8].

Образы военного прошлого, помимо этих концепций политики памяти, могут рассматриваться исследователями в рамках трёх основных теоретико-методологических подходов, где в основу классификации положен ключевой актор или признание множественности акторов, артикулирующих память о войне. Государствоцентристский подход рассматривает память о войне как основу для формирования национальной идентичности и гражданского национализма, трансляция мифов о войне и определённых образов военного прошлого происходит при доминирующем положении государства, по его инициативе и для реализации его потребностей. Подход, исходящий из существования естественной, или народной, памяти, основан преимущественно на теме траура и скорби, которые противостоят государственной политике памяти в условиях её культурной гегемонии. Социально-акторный подход обосновывает множественность акторов памяти о войнах, обладающих своими специфическими способами и формами трансляции военного прошлого. В рамках социально-акторного подхода отрицается гомогенность памяти о войнах и постулируется постоянное наличие конкуренции акторов за символически значимые для общества ресурсы [1] (т.е. военные события, вызывающие наибольший интерес и эмоциональный отклик современников).

Для комплексного рассмотрения темы памяти о войнах представляется возможным соотнести эти две классификации. При наличии различных критериев для их выделения, представляется, что наиболее близкими методологическими оптиками выступают агонистическая концепция политики памяти и социально-акторный подход. Их объединяет, во-первых, признание множественности мнемонических акторов, во-вторых, акцент на конкуренции в борьбе за артикуляцию памяти о войне, причём эта конкуренция не нацеливает на безусловное доминирование и подавление других акторов. Тем не менее, необходимо признать, что агонистическая память на сегодняшний день, в эпоху «войн памяти», скорее постулируется как нечто должное и желаемое, но не рассматривается как что-то реальное.

Источники и литература

- 1) Аникин Д.А. Память о Великой Отечественной войне как символический ресурс: особенности функционирования в религиозном сообществе // *Studia Humanitatis*. №1, 2020. 24 с.
- 2) Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 232 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)
- 3) Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз» (журнал политической философии и социологии политики), 2017, №4 (87). С. 6 – 22.
- 4) Махотина Е.И. Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления *memory studies* в Германии // *Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В.* - М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 75 – 93.
- 5) Миллер А.И. Введение. Методологические проблемы изучения политики памяти — решенные, нерешенные и неразрешимые // // *Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В.* - М.-СПб: Нестор-История, 2018. С. 4 – 11.
- 6) Bell D. Introduction: Memory, Trauma and World Politics // *Memory, trauma and world politics: reflections on the relationships between past and present / edited by Duncan Bell*. Palgrave Macmillan. 2006. pp. 1 – 33.
- 7) Bull A., Hansen H. On agonistic memory // *Memory Studies*. 2016. vol. 9, no. 4. pp. 390-404. <https://doi.org/10.1177/1750698015615935>
- 8) Mouffe C. An Agonistic Approach to the Future of Europe // *New Literary History*. 2012. V. 43(4). pp. 629–640.
- 9) Rothberg M. *Multidirectional Memory. Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford, CA, 2009.